

ГЛБ
«Южный край», Харьков, 1888, 20 августа, № 2624

с. 1-2

„РАЗСКАЗЫ“ Г. ЧЕХОВА.

(А. Чеховъ. „Разказы“. С.-П.-Б. 1888 г.)

Трудно даже сказать кто въ наше время не издаётъ своихъ «твореній»? Безчисленные беллетристы, безчисленные поэты, грамотные, полуграмотные и даже рѣшительно безграмотные—всѣ издаютъ. А если издаютъ, значитъ есть спросъ на подобный печатный хламъ, значитъ есть не только читатели на всѣ эти изданія, но и покупатели. Не такъ было въ старину и еще въ недавнюю старину. Издать книжку—считалось чуть-ли не подвигомъ, издать плохую книжку—непростительною наглостью. Тургеневы и Толстые робко выступали на литературное поприще, подписывали первыя свои произведенія псевдонимами или начальными буквами своихъ фамилий, издавались «отдѣльными книжками» развѣ послѣ усиленныхъ настояній своихъ друзей и почитателей. Все это, конечно, мелоча, но мелоча, свидѣтельствовавшая объ уваженіи къ литературѣ, о томъ, что литература еще не совсѣмъ провиклась тогда промышленнымъ духомъ. Конечно, и тогда были литературные промышленники, но эти промышленники какъ-то отдѣлялись отъ литературы, какъ масло отъ воды. Люди дѣйствительно даровитые сторонились отъ этой промышленной литературы и ея яриемовъ. И тонъ давали, конечно, эти, сторонящіеся, это меньшинство, а не промышленная, тогда еще незначительная толпа. Теперь не такъ, теперь именно даютъ тонъ разныя «промышленники», ничего общаго съ литературой не имѣющіе. Этотъ «тонъ», къ сожалѣнію, отражается и на людяхъ, не лишенныхъ дарованія, какъ отразился онъ на г. Чеховѣ. Вотъ почему трудно винить тѣхъ немногихъ, не лишенныхъ дарованія людей, которые попадаютъ въ литературѣ, трудно съ нихъ строго взмѣривать. Что станете дѣлать? «На войнѣ—какъ на войнѣ». Приходится пробиваться, приходится искать успѣха—всегда въ ущербъ дарованію, всегда въ ущербъ литературности. Трудно требовать отъ людей, въ своемъ родѣ, гражданского мужества, если дѣло идетъ, подчасъ, о кускѣ хлѣба; трудно строго отнестись къ не лишенному дарованія автору, если знаешь, какія мытарства ему приходилось и приходится проходить. Вотъ хоть бы г. Чеховъ. Съ чего онъ началъ? Съ писанія

«разказцевъ» въ «Будильникѣ», «Осколкахъ» и т. п. изданіяхъ; потомъ перешелъ къ «каторжной газетной работѣ»—писалъ «еженедѣльную беллетристику»—не мудрено, что и беллетристическія вещи, помѣщаемыя имъ теперь въ журналахъ, то-же отдають запахомъ «еженедѣльной беллетристики». Некогда обдуматься, некогда опомниться, некогда привести себя въ порядокъ. А между тѣмъ

Для дѣлъ великихъ отдыхъ нуженъ,
Спокойный духъ и добрый ужинъ—

какъ сіе изъясняетъ эпикуреецъ Люцій въ «Трехъ смертнхъ» Майкова. Положимъ, разговоръ у насъ идетъ не о «великихъ дѣлахъ», и если я о такомъ выхъ упомянулъ, то лишь потому, что изъ стиха, какъ и изъ пѣсни «слова не выкинешь»—но вѣдь и для всякихъ дѣлъ, особливо же для литературныхъ, что-бы ихъ дѣлать хорошо, хотя бы и въ «предѣлахъ своего дарованія»—тоже нуженъ «спокойный духъ». Съ этимъ никто споритъ, не станеть—а уже какой же тамъ «спокойный духъ» при «еженедѣльной беллетристикѣ»?

Все это надо было сказать, прежде чѣмъ разбирать книжку г. Чехова, надо было указать «смягчающія обстоятельства», иначе пришлось бы или несправедливо хвалить, хвалить съ заднею мыслью о «смягчающихъ обстоятельствахъ», или не менѣе несправедливо порицать...

Конечно, г. Чеховъ беллетристъ не безъ дарованія—но только беллетристъ, и больше ничего. Иные находятъ, что о «беллетристикѣ» и вовсе говорить не стоить, что беллетристика—«ложный родъ», такъ сказать. Такъ думаетъ Шопенгауеръ. Онъ находитъ, что беллетристика, даже талантливая, вредна тѣмъ, что *заслоняетъ* отъ читателей истинно художественныя произведенія. Такъ думалъ, и совершенно независимо отъ Шопенгауера, такъ какъ не былъ знакомъ съ сочиненіями этого философа, и Ю. О. Самаринъ. Онъ считалъ беллетристику дѣломъ рѣшительно бесполезнымъ, о чемъ и развилъ прекрасно свои мысли въ статьѣ, помѣщенной въ 1-мъ томѣ его «сочиненій». Пожалуй, оно и такъ, но, во первыхъ, беллетристика бываетъ разная, а во вторыхъ, гдѣ уже намъ до искусства! Художество у насъ было, да все вышло,—художество дѣло то уже слишкомъ большое, очень большими обстоятельствами обусловленное,—а жизнь все те-

четь да течеть, предьявляетъ все новыя и новыя явленія, о которыхъ интересно узнать что ни будь, хотя бы уже не отъ художника, если такого нѣтъ на лицо, а отъ даровитаго беллетриста. Въдѣ художество—легко сказать, требуетъ кромѣ дарованія, кромѣ способности воплотить въ образахъ свои мысли и чувства,—въдѣ оно требуетъ способности «проникновенія», для которой необходима высокая объективность, дающая не даромъ—объективность, которую нужно выстрадать; въдѣ подвигъ художника—это, въ своемъ родѣ, подвигъ аскета и мученика, подвигъ всей жизни. Прочтите биографію любого изъ великихъ, и даже и не великихъ, но истинныхъ художниковъ,—прочтите такую биографію, которая всегда есть исторія мученичества, исторія тяжелаго и невыносимаго подвига. Что за дѣло, что тамъ вы не найдете дыбы и клещей; въдѣ «психологическое» мученичество иногда бываетъ тяжелѣе матеріальнаго. Развѣ не мученики Пушкинъ и Тургеневъ, Гоголь и Достоевскій, какъ ни различны они по степени своей величины? Развѣ не мученикъ Л. Толстой,—развѣ его «Исповѣдь», его «Смерть Ивана Ильича» не есть крикъ невыносимой боли?

И вотъ если художникъ возносить насъ въ сферу чистаго созерцанія, въ сферу «проявленій» очищеннаго великимъ страданіемъ духа, то беллетристика (т. е. хорошая беллетристика), оставаясь на землѣ, даетъ намъ результаты—

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ....

Если художество есть поученіе мудреца, проникнуващаго въ самую сущность вещей, то беллетристика есть безхитростный рассказъ неглупаго, наблюдательнаго и искреннаго человѣка. Вотъ почему произведенія хорошихъ беллетристовъ, въ родѣ А. Доде, производятъ на васъ такое впечатлѣніе, какъ рассказъ стараго, давнишняго друга, который, возвратившись изъ далекаго странствованія, уютно усѣвшись у пылающаго комелька, рассказываетъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, что пережилъ и перечувствовалъ. Онъ въдѣ и не претендуетъ на «проникновеніе» и «откровеніе», онъ не желаетъ и не можетъ обнаруживать передъ вами глубокія и вѣчныя тайны души человѣческой,—онъ просто рассказываетъ о неизвѣстныхъ вамъ мѣстахъ и людяхъ, вмѣстѣ съ вами плачетъ и

смѣется, удивляется и восхищается, недоумѣваетъ и негодуетъ. Такъ рассказывать можетъ не всякій, и вотъ почему это тоже—талантъ; и вотъ почему и беллетристъ можетъ вамъ рассказать о томъ, что кругомъ васъ, что вы видите каждый день, такъ, какъ бы рассказывалъ о невѣдомыхъ вамъ мѣстахъ и людяхъ. Пусть онъ скользитъ по поверхности, не проникаетъ въ глубь, но все же кое что онъ для васъ освѣтитъ, кое что осмыслитъ—хотя на мгновеніе тронетъ вашу душу, заставитъ улыбнуться или задуматься....

Но дѣло въ томъ, что поддѣлаться подъ художество—нельзя, поддѣлаться подъ беллетристику—можно. И поддѣлываются. Случалось ли вамъ видѣть неуклюжихъ и недалекихъ болтуновъ, любящихъ рассказывать всѣмъ и про все? Если такой говорунъ усѣетъ научиться шаблоннымъ литературнымъ приемамъ, онъ свою тяжелую и плоскую болтовню облакаетъ въ форму романа или повѣсти—и вотъ вамъ источникъ многихъ романовъ и повѣстей, какіе мы часто встречаемъ на журнальныхъ страницахъ. Случалось ли вамъ видѣть сплетниковъ, которые всегда знаютъ «всю подноготную»? Если подобный сплетникъ научится шаблоннымъ литературнымъ приемамъ, онъ точно такъ же облакаетъ свою сплетню въ форму романа или повѣсти—и вотъ еще новый «родъ» беллетристики. Наконецъ, если одинокъ изъ безчисленныхъ у насъ Хлестаковыхъ съумѣетъ какъ нибудь овладѣть шаблонною литературною формою, онъ тотчасъ же свое вранье облакаетъ въ форму романа или повѣсти—и вотъ источникъ романовъ, подобныхъ романамъ, на примѣръ, г. Немировича-Данченко. Все это сходитъ за беллетристику, между тѣмъ какъ все это есть не болѣе, какъ какая то скучная или непріятная канитель, находящая однако свой кругъ читателей.

Конечно, на этотъ литературный промыселъ, на этихъ литературныхъ промышленниковъ, на эту язву, растущую въ нашей литературѣ остается лишь указать—и пройти мимо. Но и обращаясь къ инымъ нашимъ беллетристамъ, не лишеннымъ здраванія, приходится отмѣтить очень печальное явленіе. Рассказывать они умѣютъ, иные и очень бойко, видна у нихъ и наблюдательность, и умѣніе схватить живыя черты, и искренность,—но ни у одного нѣтъ объединяющей мысли. Отсюда и въ

тонъ, и въ приемахъ—какая-то растерянность, а въ изображеніи—какая-то недоконченность, такъ что иногда ровно ничего и понять нельзя. Тоже самое можно замѣтить и у г. Чехова. Читаешь его рассказы—и чувствуешь, что это не ремесленная работа, что тутъ, дѣйствительно, кое-гдѣ мелькаютъ черты «ума холодныхъ наблюдений и сердца горестныхъ замѣтъ», а въ концѣ концовъ, получается такое впечатлѣніе, что невольно подумаешь: зачѣмъ это авторъ и начиналъ свой рассказъ? «Нѣтъ объединяющей мысли», сказали мы—и боялся, чтобы это выраженіе не было понято превратно. Говоря такъ, мы вовсе не требуемъ отъ беллетристическаго произведенія «тенденціозности», ибо мысль и тенденція—двѣ вещи совершенно разныя, и даже исключаютъ другъ друга. Мысль это—нѣчто органическое, растущее и развивающееся, тенденція—нѣчто механическое, механически воспринимаемое. Чтобы имѣть мысль—надо имѣть умъ; тенденцію же иначе и воспринять нельзя, какъ въ рѣшительно пустую голову. Мысль освѣщаетъ явленія жизни, старается объяснить ихъ,—объясняетъ факты и сама расширяется, развивается, осложняется подъ напоромъ фактовъ; на тенденцію же только всего что называю-ются факты, какъ грибы на ниточку. Если же какой грибъ не лѣзетъ, то просто его отбрасываютъ. Люди мыслящіе имѣютъ и міросозерцаніе, которое есть результатъ мысли; люди, у которыхъ мысли нѣтъ, а есть лишь тенденція, и міросозерцанія имѣть не могутъ, а просто, не разсуждая, прикидываютъ къ жизни свой, взятый на прокатъ, аршинъ и мѣряютъ... Такъ вотъ, у нашихъ современныхъ беллетристовъ именно и нѣтъ «объединяющей мысли», хотя нѣтъ и тенденціозности. Пишутъ, какъ Богъ на душу положитъ. Это при-знакъ какой-то теперешней общей умственной и нравственной усталости. «Мыслили, молъ, мыслили, ничего не вышло, дай совсѣмъ бросимъ, а будемъ себѣ писать такъ, авось чтонибудь и вый-детъ». Конечно, при дарованіи, иной разъ что ни-будь и выходитъ: отдѣльная типичная фигура, ка-каянибудь картинка, недурно написанная лириче-ская страница,—но цѣлаго, законченнаго, ровнаго ничего. Я говорю не о формальной стороне и уже, ко-нечно, не о величинѣ. Чтобы не ходить за сравне-ніями къ большимъ художникамъ (тутъ всегда го-

ворять: ну, что это вы вздумали сравнивать съ Тургеневымъ и Толстымъ), возьмемъ одного изъ со-временныхъ (положимъ, почти одинъ на всѣхъ)—г. Короленко. Въдѣ вотъ дарованіе-то у него со-всѣмъ небольшое, но у него есть «объединяющая мысль», онъ не пишетъ такъ, на авось, а пото-му каждый, самый маленькій рассказъ, какъ, на примѣръ, «Старый звонарь», совершенно закон-ченъ и производитъ совершенно цѣльное впечатлѣ-ніе; даже «отрывки»—и тѣ производятъ впечат-лѣніе цѣльное. Не то у г. Чехова, на примѣръ. Беремъ для его книжки, заглавіе которой мы вы-писали въ началѣ этой статьи, самый большой (и лучший во всей книжкѣ) рассказъ «Степь». Разсказано много, а сказано мало. Кромѣ одного совершенно живаго лица, стараго добродушнаго священника, отца Христофора—все остальное—на-меки на что-то. Иногда и промелькнутъ живыя черты, но тотчасъ же и ступаютъ. Но въсто то-го, чтобы развить, дополнить, совсѣмъ оживить эти промелькнувшія живыя черты, г. Чеховъ двѣ трети своего разсказа посвящаетъ на ненужное, скучное и плохое описаніе степи, грозъ въ полѣ, обоза и обозчиковъ и т. д. А почему? Потому что писалось такъ—на авось. Вотъ-же съумѣлъ г. Чеховъ осветить прекрасное и трогательное лицо отца Христофора—значитъ могъ бы осветить и весь рассказъ. А въдѣ уже изъ отрывка, который я сейчасъ приведу, видно, что отца Христофора осветить было не легко. Вотъ этотъ отрывокъ, за-ключающій въ себѣ сцену между выздоравливаю-щимъ (заболѣвшимъ въ дорогѣ), привезеннымъ въ губернской городъ для поступленія въ гимназію, мальчикомъ и отцомъ Христофоромъ.

«Онъ (мальчикъ Егорушка) прыгнулъ съ дива на и сталъ одѣваться. Самочувствіе у него было прекрасное; отъ вчерашней болѣзни осталась од-на лишь небольшая слабость въ ногахъ и въ шеѣ. Значитъ масло и укусы помогли. Онъ вспо-минилъ пароходъ, локомотивъ и широкую рѣку, ко-торые смутно видѣлъ вчера, и теперь спѣшилъ поскорѣе одѣться, чтобы побѣжать на пристань и поглядѣть на нихъ. Когда онъ, умывшись, на-дѣвалъ кумачевую рубаху, вдругъ щелкнулъ въ дверяхъ замокъ и на порогъ показался отецъ Хри-стофоръ въ своемъ цилиндрѣ, съ посохомъ и въ

шелковой, коричневой рясе поверх парусиного кафгана. Улыбаясь и сияя (старика, только что вернувшись из церкви, всегда испускают сияние), он положил на стол просфиру и какой-то сверток, помолился и сказал:

— «Богъ милости прислалъ! Ну, какъ здоровье?».

— «Теперь хорошо, сказалъ Егорушка, цѣлуя ему руку».

— «Слава Богу! А я отъ обѣдни.—Ходилъ съ знакомымъ ключаремъ повидаться. Звалъ онъ меня къ себѣ чай пить, да я не пошелъ. Не люблю по гостямъ ходить спозаранку. Богъ съ нами!».

«Онъ снялъ рясу, погладилъ себя по груди и, не сѣша, развернулъ свертокъ. Егорушка увидѣлъ жестяночку съ зернистой икрой, кусочекъ бадика и французскій хлѣбъ».

— «Вотъ шелъ мимо живорыбной лавки и купилъ, сказалъ о. Христофоръ.—Въ будень не изъ чего бы роскошничать, да подумалъ, дома болящій, такъ оно какъ будто и простительно. А икра хорошая, осетровая».

«Человѣкъ въ бѣлой рубахѣ принесъ самоваръ и подносъ съ посудой».

— «Кушай, сказалъ о. Христофоръ, намазывая икру на ломоть хлѣба и подавая его Егорушкѣ.—Теперь кушай и гуляй, а встанетъ время учиться будешь. Смотри же, учись съ вниманіемъ и прилежаніемъ, чтобы толкъ былъ. Что наизусть надо, то учи наизусть, а гдѣ нужно разсказать своими словами внутренній смыслъ, не касаясь наружнаго, тамъ своими словами. И старайся такъ, чтобы все науки выучить. Иной математику знаетъ отлично, а про Петра Могила не слыхалъ, а иной про Петра Могила знаетъ, а не можетъ про луну объяснить. Нѣтъ, ты такъ учись, чтобы все понимать! Выучись по латыни, по французски, по нѣмецки... географию, конечно, исторію, богословіе, философію, математику... А когда всему выучишься, не сѣша, да съ молитвою, да съ усердіемъ, тогда и поступай на службу. Когда все будешь знать, тебѣ на всякой стезѣ легко будетъ. Ты только учись, да благодати набирайся, а уже Богъ укажетъ, какъ тебѣ быть. Докторомъ ли, судьей ли, нижеверомъ ли»....

«О. Христофоръ намазалъ на маленький кусокъ хлѣба немножко икры, положилъ его въ ротъ и сказалъ:

— «И сочинителемъ тоже хорошо быть»....

«Онъ налилъ чаю—себѣ въ стаканъ, Егорушкѣ въ чашку, и продолжалъ».

— «Апостолъ Павелъ говоритъ: «на ученія странна и различна не прилагайтесь». Конечно, если чернокижіе, буселовіе, или духовъ съ того свѣта вызывать, какъ Саулъ, или такія науки учить, что отъ нихъ пользы ни себѣ, ни людямъ, то лучше не учиться. Надо воспринимать только то, что Богъ благословилъ. Ты соображайся... Святые апостолы говорили на всѣхъ языкахъ—и ты учи языки; Василий Великій училъ математику и философію—и ты учи; святой Несторъ писалъ исторію—и ты учи и наша исторію. Со святыми соображайся»....

«О. Христофоръ отлебулъ изъ блюдечка, вытеръ усы и покрутилъ головой».

— «Хорошо! сказалъ онъ.—И по старинному обученъ, многое уже забылъ, да и то живу иначе, чѣмъ прочіе. И сравнивать даже нельзя. Напримѣръ, гдѣ нибудь въ большомъ обществѣ, за обѣдомъ ли, или въ собраніи, скажешь что нибудь по латынски, или изъ исторіи, или изъ философіи, а людямъ и пріятно, да и мнѣ самому пріятно.... Или вотъ тоже, когда прѣзжаетъ окружной судъ и нужно приводить къ присягѣ; все прѣзидента стѣсняются, а я съ судьями, съ прокурорами, да съ адвокатами за панибрата: по ученому поговору, чайку съ нами попью, поспѣюсь, распрошу, чего не знаю. И мнѣ пріятно, и мнѣ пріятно. Такъ-то вотъ, брать. Ученье—свѣтъ, а неученье—тьма. Учись! Оно, конечно, тяжело, въ теперешнее время ученіе дорого обходится... Мамевка твоя вдовица, ценсей живетъ, ну да вѣдь»....

«О. Христофоръ испуганно поглядѣлъ на двери и продолжалъ шопотомъ:

— «Иванъ Иванычъ будетъ помогать. Онъ тебя не оставитъ. Дѣтей у него своихъ нѣтъ и онъ тебѣ поможетъ. Не безпокойся».

«Онъ сдѣлалъ серьезное лицо и зашпигалъ еще тише:

— «Только ты смотри, Георгій, Боже тебя со-

анское министерство народного просвещения ко-

прямомъ примѣненіи пастеровскихъ общихъ принциповъ. Прежде всего онъ считаетъ нужнымъ зая-

храня: не забывай матери и Ивана Ивановича. Почитать мать велить заповѣдь, а Иванъ Ивановичъ тебѣ благодѣтель и вмѣсто отца. Ежели ты выйдешь въ ученые и, не дай Богъ, станешь тяготиться и пренебрегать людьми по той причинѣ, что они глупѣе тебя, то горе, горе тебѣ!

«О. Христофоръ поднявъ вверхъ руку и повторилъ тонкимъ голоскомъ:

— «Горе! горе!»

«О. Христофоръ разговорился, и, что называется, вошелъ во вкусъ; онъ не кончилъ бы до обѣда, но отворилась дверь и вошелъ Иванъ Ивановичъ».

Несомнѣнно, что отца Христофора осилить было не легко. Надо было много добродушія, чтобы написать такую фигуру, чтобы взять по отношению къ этому лицу надлежащій тонъ; надо было много наблюдательности, чтобы удачно передать оригинальный складъ рѣчи о. Христофора, надо было много пониманія и чуткя, чтобы одухотворить эту рѣчь, сдѣлать ее тиничною, сдѣлать ее непохожею на приписную сентенцію. Все это нашлось у г. Чехова для о. Христофора, но нашлось какъ нѣкоторое исключеніе. О. Христофоръ такъ и остается однимъ изъ немногихъ оазисовъ среди очень длиннаго и очень скучнаго разсказа «Степь». Есть еще недурной разсказецъ въ книжкѣ г. Чехова, озаглавленный «Письмо». Разсказъ маленький и какъ будто законченный, но за то нѣсколько искусственно скомпонованный, какъ будто что-то желающій доказать. Это желаніе доказать и портитъ все дѣло. Затѣмъ, остальные девять разсказовъ, составляющихъ книжку, совсѣмъ плохи. Въ каждомъ есть кое что живое, но это живое рѣшительно потопаетъ въ массѣ ненужнаго—не смотря на то, что разсказы всѣ маленькіе—а иные разсказы такъ и совсѣмъ непонятны и оставляютъ чувство какого-то досаднаго недоумѣнія. Таковы: «Тайный совѣтникъ» и «Полцѣлуй». Нѣкоторые бьютъ въ послѣднюю современность. Изъ инныхъ судебныхъ процессовъ выяснилось, что многие молодые люди изъ хорошихъ семействъ, запутавшись, выдаютъ ростовщикамъ фальшивые векселя отъ имени своихъ богатыхъ родственниковъ—и вотъ уже г. Чеховъ пишетъ разсказъ «Задача» именно на эту тему.

Я ничего не имѣю противъ самой жавотрешущей современности; Достоевскій своихъ «Бѣсовъ» написалъ по поводу судябаго процесса, а въ «Преступленія наказанія» даже опередилъ современность, такъ что вышелъ, можно сказать, романъ пророческій. Но... но если разсказать «современную» тему столь поверхностно, что разсказъ является лишь нѣсколько разукрашеннымъ газетнымъ извѣстіемъ, то... что-жъ тутъ хорошаго? Ничего хорошаго, а, напротивъ, является подозрѣніе, что авторъ лишь хотѣлъ завлечь читателя «современностью» темы... О разсказѣ «Тифъ» можно сказать, наоборотъ, что такіа уже слишкомъ «общія» темы можно брать, развѣ обладая необыкновенною способностью анализа, при которой можно дать нѣчто въ родѣ изумительной картины горячечнаго бреда въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»; если же не такъ, то, судите сами, кому интересенъ разсказъ о томъ, какъ молодой поручикъ заболѣлъ сыннымъ тифомъ, самъ выздоровѣлъ, а заразившаяся отъ него сестра его—умерла. Совсѣмъ никому не интересно. Еще одно замѣчаніе. Г. Чеховъ очень любитъ описывать природу—и рѣшительно не умѣетъ этого дѣлать, впадая въ пестерную и смѣшную манерность. Ну, развѣ можно такъ описывать восходъ солнца:

«Окруженное легкою мутью показалось громадное, багровое солнце. Широкія полосы свѣта, еще холодныя, купансь въ росистой травѣ, потянулись и съ веселымъ видомъ, какъ будто стараясь показать, что это надоюло имъ стали ложиться по землѣ. Серебристая полынь, голубые цвѣты свивячей цыбульки, желтая сурѣза, васильки—все это радостно зашестрѣло, принимая свѣтъ солнца за свою собственную улыбку».

Подчеркнутыя строчки не требуютъ комментаріевъ—но представте только себѣ, что иногда г. Чеховъ подобнымъ образомъ описываетъ природу на двухъ, трехъ и пяти страницахъ подъ рядъ—а передохнувши опять описываетъ, и опять страницы двѣ. Это очень затрудняетъ чтеніе его разсказовъ.

Г.